

АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ТЕКСТА ЗАКОНОПРОЕКТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Батюшкина М.В.

канд. пед. наук

Законодательное Собрание Омской области

Лингвистическая экспертиза законопроекта может рассматриваться в двух аспектах: с одной стороны, как определение соответствия текста проекта закона правилам современного русского языка и функционально-стилистическим особенностям официально-делового стиля речи, с другой стороны, как интерпретация текста. Какой из аспектов наиболее отвечает задачам лингвистической экспертизы?

Правила современного русского языка рассматривают языковые нормы и, в некоторых случаях, варианты. Языковое нормирование кодифицировано в словарях и грамматиках. В тексте законопроекта репрезентация словарных и грамматических единиц отражает нормы правописания (орфографии и пунктуации).

Представление о функционально-стилистических особенностях делового стиля речи формируется на основе соответствующего анализа законодательной базы и сложившейся законотворческой практики. Центральной функционально-стилистической особенностью текстов законодательных актов является шаблонность оформления нового содержания, характеризующаяся аналогией, калькированием, интертекстуальностью и такими параметрами, как однозначность понимания, точность и безоценочность юридически значимой информации. Именно в связи с этим лексический регистр делового стиля речи представлен, главным образом, терминами, штампами и частотными словарными единицами. Стилистические особенности текстов законодательных актов в совокупности получили выражение в таких условных понятиях, как *язык законов*, *язык законодательных актов*, *язык права*. Хотя специального языка законов, конечно же, не существует, как нет, например, языка медицинских рецептов и языка медицины. Язык (тезаурус и грамматика) один, в различных текстах в зависимости от направленности речемыслительной деятельности наблюдаются только особенности различного проявления, репрезентации языковых единиц и отношений между ними.

Вместе с тем, очевидно, что внешние грамматические связи слов и предложений, стилевые характеристики неразрывно связаны с замыслом текста (вспомним хрестоматийный пример перестановки знаков препинания: *казнить нельзя, помиловать* или *казнить, нельзя помиловать*). Внутренняя авторская логика построения текста отвечает за порождение и передачу многоплановой семантики текста, а также за особенности восприятия текста.

С уверенностью говорить о понимании эксплицитной, явно выраженной информации можно только при осознании имплицитной, подразумеваемой, представленной в скрытом виде информации, при проникновении между слов, при чтении между строк, истолковании тихого намека подтекста. В противном случае следует говорить не о понимании текста как речевой единицы, а о понимании значения составляющих его языковых единиц: отдельных слов и словосочетаний, слов в составе предложения, предложений в составе текста. Поэтому лингвист, выполняющий в процессе законотворческой деятельности роль эксперта в области языкознания, и, следовательно, понимающий значимость разграничения и учета проявленных в речевой деятельности взаимообусловленных феноменов языка и речи, не может оставить за рамками лингвистического рассмотрения анализ семантики текста законопроекта.

Кроме того, именно интерпретация текста законопроекта является общим полем для юридико-лингвистической корреляции. Текст законопроекта есть лишь предверие в исполнении событий правоприменения. В свою очередь, правоприменение основывается на понимании текста, его интерпретации, толковании, расплетении ткани текста (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) на образующие эту ткань нити.

По своей сути, интерпретационный аспект базируется на описании текста как речевого знака, посредника между компонентами коммуникации.

На основании видов речевой деятельности (говорения, слушания, чтения, письма) могут быть выделены, разграничены и противопоставлены активные коммуникативные позиции субъектов: позиция адресанта (автора текста, говорящего, пишущего) и позиция адресата (интерпретатора, слушающего, читающего). Позиционные особенности коммуникантов детерминируют разграничение формируемого текста (текста адресанта) и воспринимаемого текста (текста адресата). Следует особо отметить, что деятельность, творчество заключены не только в основе и процессе создания текста. Процедура понимания созданного текста, слушание, чтение, – это не просто воспроизводство адресатом позиции адресанта по отношению к объекту речи, как может показаться на первый взгляд, а невидимый, неосязаемый и неизмеримый по глубине отражения диалог, построенный на взаимодействии речевых позиций коммуникантов. Именно диалогичность отражает сущность спиралевидной структуры коммуникации, обеспечивает ее целостность и, следовательно, является гарантом достижения ее цели.

Данный диалог возможен при наличии у субъектов речевой деятельности смежных систем психических представлений о языке (языковых единицах и отношениях между ними), благодаря которым возможно соотношение субъектного, индивидуального с объектным и наоборот. При этом такой диалог проходит как динамическая система трансформаций одних языковых представлений в другие, комбинирование по грамматическим правилам воспроизведенных в речи языковых единиц, обеспечивающее процесс построения смыслового содержания и его понимание, или коммуникацию.

Представления субъекта речевой деятельности об объекте (предмете, явлении), находящие отражение в знаковой природе слова, зависят от мироощущения, мировосприятия, миропонимания, уровня интеллекта и языковой культуры. Другими словами, восприятие и понимание всегда относительно синтеза речемыслительного опыта, приобретенного в процессе коммуникации и проявляющегося в мировоззрении и установках познания действительности, в частности, осмысляющей установке на объяснение как раскрытие смысла. Чем богаче речемыслительный опыт, тем лучше развито мышление, следовательно, глубже и структурированное осмысляющая деятельность, лучше развиты умения обобщения информации, интерпретации текста, развертывания содержания в смысл. При этом контекст помогает раскрывать многообразие смысловых оттенков, которые может приобрести слово как в одном, так и в разных текстах. Поэтому текст как последовательность элементов всегда избыточен, в потенциале содержит нереализуемое и предвосхищает его появление.

Каждый, кто обращается к тексту, может разглядеть в нем только то значение слов и тот смысл, которые каким-либо образом соотнесены с его субъективным речемыслительным опытом. Восприятие и понимание текста отражает процесс переструктурирования субъективных представлений и формирования убеждений субъективного внутреннего пространства. С точки зрения интерпретации, неясность, неопределенность и неоднозначность формулировок заключается в том, что интерпретатор, понимая значения слов, не понимает смысл слов, семантику текста.

Воспринимаемое, но не соотносимое с субъективными представлениями, установками и мировоззренческой позицией просто отвергается.

Осознание семантики целого текста может предвосхитить идею создания текста, стратегию автора, а значит, у интерпретатора появляется возможность развернуть, расширить или свернуть, сузить план содержания текста. В этой связи отметим, что варьирование в виде сужения или расширения содержания текста, совершенно недопустимое с точки зрения правовой нормы, жестких рамок закона, имеет для интерпретатора субъективное обоснование.

Ввиду того, что при понимании текста соприкасаются разные субъективные миры, уровни знаний адресанта и адресата, исход толкования зависит от того, как автор с учетом правовой идеи, коммуникативной задачи и понимания адресата (целевой коммуникативной аудитории) построит свой текст. В большей степени, чем другие письменные тексты, закон ориентирован на воспроизведение, калькирование адресатом (адресатами) выражаемой в тексте позиции. Это требует от создателя закона основательного обдумывания содержания текста, его планирования, четкой логики изложения (последовательности, связности и законченности элементов), а также строгости юридико-технического и редакционного оформления.

Требования ясности, понятности, определенности и однозначности, предъявляемые к формулировкам правовых положений, не оставляют никакой возможности для избыточности, иного, по сравнению с заданным законодателем, толкования. Однако данные требования не следует путать с простотой изложения и доступностью для понимания широкого, специально не подготовленного круга лиц. В качестве примера приведем формулировку пункта 1 статьи 11.1 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации": *если какое-либо действие может (должно) осуществляться со дня наступления какого-либо события, то первым днем, в который это действие может (должно) быть осуществлено, является календарная дата наступления соответствующего события, но не ранее времени наступления этого события.*

Резюмируем сказанное. В том случае, если под лингвистической экспертизой текста законопроекта подразумевается только оценка соответствия текста законопроекта нормам современного русского языка и функционально-стилистическим особенностям официально-делового стиля речи, то есть нормам правописания и стилистики, правильнее говорить не о проведении лингвистической экспертизы, а об осуществлении лингвистической правки, корректуры текста. Лингвистическая экспертиза должна основываться на рассмотрении текста как речевого знака и учитывать особенности его порождения и восприятия.